

пробирался съ ружьемъ къ товарищу-охотнику, помѣщику Г., на тягу вальдшнеповъ. Было это въ лѣсисто-болотистой мѣстности Костромской губерніи.

Выбравшись изъ одного лѣсного островка, гдѣ я шель по тропѣ, сдѣланной скотомъ, только-что прошедшимъ впереди меня, и очутившись на большой луговинѣ, я увидалъ неожиданно такую картину. Недалеко отъ меня мужичишко въ армякѣ и затасканной англійской каскѣ привязывалъ къ своему кушаку зайца, еще дрыгающаго ногами. Подтянувъ зайца, какъ слѣдуетъ, на спину и опустивъ его голову такъ, чтобы кровь изъ расковыреннаго носа стекала мимо армяка, мужичишко закурилъ трубочку и меланхолично уставился вслѣдъ удаляющемуся на горизонтѣ стаду коровъ. Около мужика, уткнувъ щипецъ въ траву, что-то подлизывалъ тамъ огромный муруго-пѣгій псовый кобель.

— Что, голубчикъ, зайца заполевалъ?—спросилъ я подойдя къ охотнику.

— Собака, сударь, поймала, собака!—проговорилъ быстро мужичишко словно заученную фразу. — Гдѣ же мнѣ! мнѣ нечѣмъ, у меня и ружья нѣтъ. Обходилъ лѣсъ съ собакой, а онъ и подвернулся... бросать жалко, отнесу домой, все едино.

— А хорошая у тебя собака, настоящая охотничья! Гдѣ ты ее взялъ?—спросилъ я, любуясь стройнымъ кобелемъ, оторвавшимъ щипецъ отъ травы и дружелюбно поглядывавшимъ на меня своими прекрасными большими глазами.

— Случаемъ, сударь, случаемъ она мнѣ досталась! Года

четыре никакъ тому, мой большакъ, Митька, ходилъ по веснѣ на барскій дворъ къ енералу Л. — слыхали чать? — огребать парки. „Иду“, батъ, это Митька-то, „съ поденьщины“, а возля Новинской рощи болото есть, „и слышу, батъ, щенокъ визжитъ. Подхожу, батъ, а тамъ ихъ цѣлыхъ шесть штукъ; пятеро подошли, а одинъ барыхтается ящо“. Онъ яво и принесъ. Енераль-отъ не продавалъ, не дарилъ собакъ, а которы лишни — топилъ.

— Ну, и выкормилъ ты его?

— Такъ ребятишки и выростили. Спервоначалу хотѣлъ я его удавить, — больно ужъ нескладенъ... ишь: аки журавъ; ну, а нашъ кабатчикъ, спасибо ему, батъ: „не гаси его понапрасну, собака дорогая, батъ, охотничкая, и за деньги не достанешь опосля“. Такъ и оставилъ подлеца.

Мужикъ любовно ухватилъ пальцами щипецъ собаки. Та взвизгнула и, отскочивъ, замахала правиломъ.

— Какъ его звать? — спросилъ я.

— Топлякъ. Оно собственно его фамилья. Утопленный, потому изъ воды вытащенъ. — ну, а для спорости — Топлякъ да Топлякъ.

Услыхавъ свое имя, Топлякъ еще сильнѣе замахалъ хвостомъ.

Я взглянулъ на горизонтъ. Солнце совсѣмъ закатилось и только красноватые отблески еще лежали на маковкахъ деревьевъ. Я попрощался съ мужикомъ и поторопился къ Г.

Г. меня заждался и мы сейчасъ же отправились на тягу. Во время охоты мнѣ не пришлось съ нимъ говорить, но дома, за ужиномъ, я не преминулъ сейчасъ же сообщить пріятелю о своей встрѣчѣ.

Г. вдругъ заволновался.

— Это Развилкинъ изъ М., — горячился онъ, — это такой подлецъ, такой заядлый браконьеръ, какихъ свѣтъ не создавалъ. Ты не можешь представить себѣ, что это за бестія такая! Надо тебѣ прежде сказать, что его Топлякъ — идеальная собака, и по крови, и по полю. Вѣдь у Л. знаменитая псарня. И вотъ этотъ проходимецъ Развилкинъ до чего додумался: забросилъ свое ружьишко и сталъ поха-

живать по всей округѣ съ борзой. Выйдетъ на опушку изъ лѣсу къ яровымъ или озимямъ и покажетъ псу кормящагося зайца. Ни выстрѣла, ни гоннаго шума — коротко и ясно: зайца за плечи и гайда—домой, если другой еще не попадется дорогой. А то, зная куда выгонять изъ лѣсу стадо, встанетъ съ той стороны и ждетъ. Ну, сотня животныхъ все что-нибудь выставятъ ему. Я самъ, еще мальчишкой, пользовался такой охотой на зайцевъ изъ-подъ стада. Это еще все ничего. А главное, что онъ, какъ услышитъ по близости гончихъ, такъ съ своимъ Топлякомъ и примостится гдѣ-нибудь около охоты на лужаечкѣ, разумѣется, прячась отъ людей. И пользуется чужими гончими, изъ-подъ носу крадетъ... Онъ со мной неоднократно продѣлывалъ такія штуки. Я вѣдь судился съ нимъ, развѣ ты не слыхалъ?

— Нѣтъ, это любопытно.

— Какъ же, поймалъ я его съ поличнымъ. Выглятникъ и гостившій у меня Коля С. свидѣтелями были.

— Ну, и что же?

— Оправдали.

— Какъ же это?

— Да такъ вотъ. Дѣло, видишь, вотъ въ чемъ. Вздружили мои собаченки бѣляка и повели изъ лѣсу; вдругъ гонъ прекратился сразу; подозрительно, чтобы стеряли. Вышелъ я на опушку, вотъ какъ ты, и вижу такую же картину: мужикъ привязываетъ добычу за спину, а борзая поѣдаетъ пазанки; мои гончія растерянно шныряютъ по луговинѣ. Я сейчасъ: гопп! гопп!—и съ подошедшими товарищами заявляюсь къ мужичишкѣ.

— Ты зачѣмъ чужого зайца затравилъ?

— Какъ чужого?—удивляется будто.

— Вѣдь ты изъ-подъ нашихъ гончихъ взялъ?

— Нѣтъ, что вы, господа! Тотъ заяцъ вонъ куды побѣгъ,—махнулъ онъ рукой въ сторону,—а этотъ сейчасъ вотъ изъ кусточка выпрыгнулъ.

Очевидно ложь. Мы горячимся.

— Берите его, говорить, коли сами ничего не поймали.

— Нѣтъ, мы тебя засудимъ...

Собственно браконьерства тутъ не было, такъ какъ мы оба имѣли право охотиться на землѣ М-скаго общества: онъ—какъ членъ этого общества, а я, какъ имѣющій разрѣшеніе отъ міра. Оставалось обвиненіе въ воспользованіи чужимъ трудомъ.

Затѣяли дѣло. Вызываетъ насъ судья и спрашиваетъ свидѣтелей:

— Вы видѣли своими глазами, что заяцъ взятъ изъ-подъ гончихъ г. Г.?

— Нѣтъ, своими не видали, но...

— Довольно. Чѣмъ вы докажете, — обращается онъ ко мнѣ,—что Развилкинъ затравилъ именно вашего зайца и совершилъ проступокъ, подходящій къ такой-то статьѣ?

Я убѣдительно доказывалъ, такъ сказать, несомнѣнность факта.

— А развѣ не могъ заяцъ понориться,—говоритъ,—собаки сколоться, натечь на другой слѣдъ, волка напирѣрь, или испугаться чего?

Вообще все это можетъ случиться и я отвѣтитъ на вопросъ судьи въ свою пользу ничего не могъ... Такъ и оправдали воришку, взыскавъ съ насъ судебныя издержки... Еще смѣлѣе сталъ съ тѣхъ поръ негодяй. А впрочемъ меня не трогаетъ. Я объявилъ, что убью его пса,—ну, и боится...

— Однако молодчина этотъ борзятникъ,—размѣялся я.

— Я его допеку другимъ концомъ,—продолжалъ злиться Г.,—вѣдь генераль, живя постоянно въ Петербургѣ, не знаетъ, что отрасль его знаменитой псарни разгуливаетъ въ М., распложая тамъ борзыхъ ублюдковъ среди дворяншекъ... Ты не можешь представить, что тамъ дѣлается!—расхохотался вдругъ Г.—Какая-нибудь Шавка или Сѣрка дарить хозяину что-то необычайное, какого-то тонкомордаго, поджараго щенка. Мужики въ ужасѣ. „Совсѣмъ изгадилъ всю нашу деревенскую породу! уроды какіе-то пошли, которые и лаять не умѣютъ“, жалуются они на Топляка и хотятъ серьезно войти въ это обстоятельство и объявить Развилкину, что если онъ не кастрируетъ своего кобеля, то держалъ бы его на привязи...

— Какимъ же концомъ ты допечешь этого борзятника?—перебилъ я Г.

— А просто донесу генералу и тотъ навѣрное не позволитъ, чтобъ его собака играла такую неблагоприятную роль.

— Но она уже не его собственность.

— Какъ не его? Собаку украли изъ его болота,—какъ же не его?

— Но кража, въ собственномъ смыслѣ, и спасеніе жизни животнаго мальчикомъ изъ жалости — это двѣ вещи разныя по-моему, и во всякомъ случаѣ возникаетъ новый юридическій вопросъ.

— Вѣдь онъ погралъ, такъ сказать, принципы чело-вѣка,—убѣждалъ Г.,—Л. высоко ставить свою породу борзыхъ, онъ ни за какія деньги не продаетъ щенятъ, чтобы неумѣлые люди не испортили и не обезславили эту породу... А тутъ какой-нибудь мужичишко... Нѣтъ, это незаконно, какъ хочешь... это и съ нравственной стороны чортъ знаетъ что! Конечно, Развилкинъ—полный хозяинъ Топляка и онъ его собственность, но собственность такъ сказать, родовая и Л. всегда имѣетъ право выкупить ее...

Поспоривъ еще немного съ увлекшимся Г., я прихватилъ убитыхъ вальдшнеповъ и отправился домой.

На другой день я нарочно пошелъ въ деревню М.—еще разъ проинтервьюировать заинтересовавшего меня бѣдняка-борзятника.

Весеннее утро было тихое и такое славное, что хоть бы и не для Костромской губерніи.

Развилкина я нашелъ скоро, такъ-какъ онъ сидѣлъ на завалинкѣ близкой къ околицѣ избы и искалъ что-то въ растегнутомъ воротѣ холщевой рубахи. Близъ него, въ тѣни избеннаго угла, растянулся на травѣ Топлякъ, около котораго, чуть не ходя по немъ, копались куры и голуби. Тутъ же баловали клюшкой оборванные ребятишки.

Увидавъ меня, Развилкинъ застегнулъ воротъ и привѣтливо раскланялся. Топлякъ вскочилъ и отряхнулся, куры разбѣжались по сторонамъ, а ребятишки, оставя клюшку, уставились на меня своими наивными испуганными глазами.

— А сегодня на охоту пойдешь, дядюшка?—спросилъ я борзятника, присаживаясь около него на завалинку.

— Какой же я, сударь, охотникъ? я и ружья годовъ пять въ руки не бралъ,—хитро моргнувъ глазами, отвѣчалъ онъ.

— Съ собакой. Я самъ травилъ и лисицъ, и волковъ.

— Ужли онъ, сударь, и волка съ лисой поймать? — оживился Развилкинъ.

— Развѣ тебѣ не приходилось?

— Ни однава раза. Зайца этого только бы увидать—поймать въ моменту... Аки птица какая быстролетная.

Я взглянувъ на Топляка. Съ сухой головой, узкимъ щипомъ и подобраннымъ брюхомъ, весь тонкій, худой, онъ представлялъ, дѣйствительно, что-то легкое, воздушное, птичье...

— И много ты изъ-подъ него взялъ?—спросилъ я.

— Всяко бываетъ,—уклончиво отвѣчалъ охотникъ.

— Вреть, ваше благородіе!—запротестовалъ молодой парень въ накинутаой на плечи чуйкѣ, появившійся около насъ.— Вреть: кажинный день одного, а либо и двухъ притащить.

— А тебѣ што, завидно што ли?—огрызнулся Развилкинъ.

— Вы извольте, ваше благородіе, взглянуть къ ему на чердакъ — сколько тамъ кожъ этихъ заячьихъ навалено, какъ есть груды,—горячился парень, какъ бы на самомъ дѣлѣ завидуя такому счастью Развилкина. — А продаетъ онъ ихъ по восьми копѣекъ... Вотъ и сочитите сколько денегъ, акромья мяса. Всеё семью кормить, а говорить: мало... Зайцевъ-то у насъ уйма вѣдь, ваше благородіе! Всѣ поля затоптали, весь осинникъ погадили.

— Вотъ и хорошо, что онъ ихъ ловить,—сказалъ я.

— Лови и ты, чего моргашъ?—опять огрызнулся охотникъ,—развѣ тебѣ кто запрещать?

— Какъ ловить-то? За хвостъ не поймашь...

Большихъ усилій стоило мнѣ уговорить Развилкина взять меня на охоту съ нимъ. Только соблазненный посуленнымъ хорошимъ „на чай“ онъ рѣшился показать мнѣ искусство своего пса.

Возвратясь съ поля, я предлагалъ бѣдняку-борзятнику за Топляка сто рублей, но онъ не отдалъ.